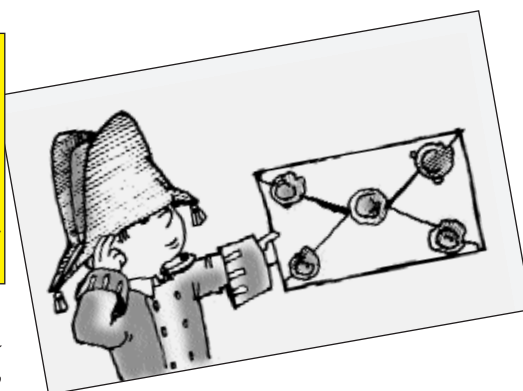

Личность учителя и нравственное воспитание на уроках литературы

С.Г. Капорцева

Тема нравственного воспитания на уроках литературы настолько не нова, что как-то неловко пытаться в очередной раз об этом высказываться. Вместе с тем, от того, что много раз произнесешь слово «халва», во рту не станет сладко; от того, что педагоги тысячу раз высказывались о нравственном потенциале уроков литературы, ученики не стали «нравственнее».

К сожалению, мы должны признать, что нравственность наших учеников сегодня, как и нравственность всего общества, сомнительна. Последние десять лет телевидение, кино, пресса с успехом разрушают в душах детей то «разумное, доброе» и, как нам казалось, «вечное», что мы, учителя литературы, сеяли.

Двадцать лет назад, работая в школе первый год, я была потрясена одним случаем. Шел урок литературы в 5-м классе. Читали шолоховского «Нахаленка». И вот когда мы прочитали о въехавшей во двор телеге с телом отца и так поразившей Нахаленку мухе, сидящей на открытом, немигающем, мертвом глазу, двенадцать детей из тринадцати (школа была сельской, малокомплектной) заплакали. А один засмеялся. Совершенно убитая, я вернулась домой. То, что все плакали, было нормально, но почему один – засмеялся?! Но самое важное в этой истории – ее горькое продолжение. Восемь лет спустя эта история повторилась с точностью до наоборот: из четырнадцати детей заплакал один. А тринадцать засмеялись.

Может быть, и нельзя из частного случая делать широких выводов и обобщений, но для меня эта история стала «мониторингом», который провела сама жизнь. Пожалуй, именно тогда я подумала о том, что от

учителя в этой ситуации зависит все. Что только его глубочайшая, искренняя взволнованность, сопереживание, боль душевная могут затронуть души учеников, вывести их из «спячки». А я все-таки верю, хочу верить, что это «спячка» души. Пока еще не смерть.

И еще одна история оказалась для меня очень важной в понимании роли личности учителя литературы. Однажды случилось мне прийти на работу больной, с температурой и головной болью. Надо было как-то продержаться до конца дня, и я уговаривала себя, что не буду волноваться, «скакать и махать руками». Начался урок в 8-м классе. По программе – «Капитанская дочка» А.С. Пушкина. Я села за стол, твердо решив, что буду спокойно сидеть и задавать вопросы. Потому что моей «сверхзадачей» на данном уроке было не умереть прямо в классе. И вот я задала вопрос, ученица начала на него отвечать. Отвечая правильно по сути, она совершенно бесстрастно говорила о том, как Маша стояла на крепостном валу вместе с матерью, как к их ногам показилась переброшенная через стену голова Юлая... В классе было тихо, ничего не выражающими глазами ученики смотрели кто куда, чаще в окно. И тут я не выдержала и вскочила. «Подожди, Таня, – сказала я. – Вот она – Маша. Совсем молоденькая девушка, чуть старше вас. Она живет в отдаленной крепости, в доме родителей, которые ее любят и оберегают. Она вообще никогда не видела ни крови, ни смерти. И вдруг к ногам ее катится голова. Человеческая...» Глаза детей уже не были пустыми... Кто-то хмурился, кто-то кусал

губы... Поднялась первая рука, кто-то прямо с места пытался высказать свои мысли, выразить свои чувства. Помню, что в конце урока мы были взбудоражены, говорили наперебой... и очень удивились звонку, который так некстати прервал нашу беседу. Справедливости ради должна сказать, что температура моя после урока сильно повысилась, но я чувствовала себя... нет, не просто удовлетворенной, я чувствовала себя счастливой. Я поняла, что поберечь себя в этой профессии не удастся, но приняла это и больше не пыталась себя «экономить».

Однако было бы заблуждением считать, что такая самоотдача учителя – жертва. Отнюдь! Сколько чудесных моментов всплывает в моей памяти! Я помню, как была поражена удивительно точным выражением семиклассницы, когда она, размышляя о состоянии Тараса Бульбы после гибели Остапа и смерти Андрия, когда он наводил ужас на всю Польшу, топя ее в крови, сказала: «У Тараса была... сила слабости». Этот оксюморон так свеж и точен, что остается только удивляться талантливости наших детей (которой мы можем никогда и не обнаружить, если не будем волноваться сами и не увлечем этим волнением их).

Интересно, что именно дети объясняли мне, о чем «Песня о вещем Олеге». Честно говоря, мне все казалось таким понятным в этой истории: «от судьбы не уйдешь». Грустно, величественно, однозначно. Конечно, мы говорили о характерах кудесника и Олега, размышляли о причине смерти коня (тоска, отсутствие настоящего дела, так сказать, золотая клетка). И все-таки у меня как будто открылись глаза, когда ребенок, шестиклассник, сказал: «Это стихотворение о предательстве! Да, о предательстве. Олег коня предал. Если бы он его не предал, может быть, судьба бы отступилась. Как Снежная королева». При всей наивности высказывания эти слова – будто воздуха глоток.

Ведь мы, взрослые, смирились: рок, судьба, кудесник на челе увидел...

А может быть, судьба бы отсту-

пилась? Как Снежная королева? Ведь «устаи младенца глаголет истина».

Любовь к своему предмету, заинтересованность в изучаемой теме, по моему глубокому убеждению, сыграть нельзя. Рискую показаться банальной, но детей обмануть невозможно, сквозь любое актерское мастерство учителя рано или поздно они разглядят фальшь. И тогда все преподнесенные учителем истины будут подвергнуты сомнению, и уроки нравственности превратятся в уроки лицемерия, а не исключено, что и цинизма.

Отсутствие учительской взволнованности, искреннего интереса к произведению, к обсуждаемой проблеме не удастся скрыть за использованием наглядности, технических средств обучения. Недаром психологи говорят о том, что в преподавании литературы технические средства обучения должны применяться достаточно осторожно, использование их должно быть оправдано. Можно прослушать одно и то же стихотворение в исполнении разных мастеров художественного слова с целью сравнить варианты (прием, подробно описанный в методической литературе). Но заменить живое исполнение учителя прослушиванием записи самого талантливого мастера было бы ошибкой. Не всегда достижению эмоциональной напряженности способствует использование иллюстраций или прослушивание музыкальных произведений. Если учитель не сумел увлечь детей, «заразить» своим восхищением, учащиеся могут потерять интерес к теме, пока будет звучать «скучная и непонятная» классическая музыка. При изучении стихотворения Пушкина «Зимнее утро» можно прослушать, например, пьесу Чайковского «У камелька», веря в то, что это усилит эмоциональное восприятие стихов учениками. А можно просто спросить: «Ребята, а вам когда-нибудь доводилось бывать зимой в деревне?» Если такие найдутся, то возникает разговор о чистом, без налета сажи снеге, о дыме, который пахнет дровами, о печках, в которых пляшет

живой огонь, и сполохи его играют на потолке, завораживая и нас, современных людей, так же, как тех, кто жил во времена Пушкина. И вот уже такими родными, теплыми становятся строки «Вся комната янтарным блеском озарена... веселым треском трещит затопленная печь...». Теперь можно послушать и Чайковского, ведь в воображении ребят возникли картины, которые помогут им с интересом слушать музыку. Стихотворение понравилось детям, вызвало у них теплые чувства, все с удовольствием работало над составлением партитуры текста, пытаясь вложить в свое исполнение пережитые эмоции. А дальше положено было задать на дом выучить стихотворение наизусть. Но я решила пойти на риск, задав выучить стихотворение по желанию и пообещав, что найду возможность выслушать каждого, кто захочет представить свой личный вариант исполнения. Надежды мои оправдались полностью: ребята выучили стихотворение, и я сдержала слово, выслушав их после уроков, причем мои исполнители иногда просили возможность перечитать, если находили свою интонацию или логическое ударение неверными.

Может показаться, что это работа скучная, даже нудная. Это было бы так, если бы я принуждала детей. Но ребята занимаются ею с удовольствием! Возникший на уроках интерес к работе над исполнением текста вызывает у учащихся желание попробовать свои силы, совершенствовать умения. В моей практике нередки случаи, когда ученик, хорошо прочитавший стихотворение и получивший за него заслуженную пятерку, подходит ко мне на перемене и просит разрешения прочитать мне еще раз, потому что остался чем-то недоволен в своем исполнении. Конечно, все это отнимает у меня много личного времени, но я люблю эту работу и вижу в ней большую пользу. Никогда мы не слушаем на уроке двадцать пять раз одно стихотворение, потому что самые прекрасные стихи, четыре-пять раз прослушанные, уже не восприни-

маются, а в двадцатый раз – уже вызывают отвращение. И тогда будет погублено все, чего мы достигли при обсуждении, и остается та самая хорошо всем известная «оскомина», которую у взрослых людей, как правило, вызывают произведения из школьной программы.

Я очень боюсь штампов, патетики, пафоса. Базаровская фраза «Об одном прощу тебя, друг мой Аркадий Николаевич, не говори красиво!» заставила меня смутиться, когда мне было 16 лет. Тогда мы с подругами очень любили пространные умные разговоры, старались блеснуть новым словом, повитиеватее выразить мысль. Видимо, интуитивно я чувствовала, что отсутствие жизненного опыта, глубокого чувства не скроешь за возвышенными фразами, и начинала ощущать отвращение к «цветистой» речи. Работая в школе, общаясь с детьми, я убедилась в том, что не обязательно о высоком говорить высокими словами. Видимо, в официальной ситуации такие слова будут уместны, но учитель литературы может себе позволить быть человеком, который говорит о том, что чувствует, простым человеческим языком.

В прошлом году накануне 9 мая, как всегда, шли по телевизору уже показанно нам известные фильмы о Великой Отечественной войне. Каждый год я думаю, что больше смотреть их не буду. И каждый год смотрю. Так произошло и на этот раз. Я снова обмирала от горя, пыталась понять, как люди могли выдержать весь этот ужас, и, конечно, плакала. А на следующий день в 11-м классе (я работала с этими детьми уже седьмой год) я прервала себя на какой-то фразе по теме урока и сказала: «Не могу, я сегодня такая расстроенная. Насмотрелась вчера фильмов, уревелась вся. Сколько раз смотрю – столько плачу». Девчонки сразу закивали, одна сказала: «Я всегда плачу, когда мальчик кричит: "Папка, я знал, что ты меня найдешь!"». Речь пошла о рассказе Шолохова «Судьба человека», о романе «Они сражались за Родину» и повестях «Пойти и не вернуться» Быкова, «Убиты под Москвой» Воробьева. Спонтанно

возникший, этот разговор казался совсем не уроком, можно было просто беседовать с друзьями... и с учителем, как с другом. А по сути, состоялся урок внеклассного чтения по произведениям о Великой Отечественной войне.

Подчеркну, что я не планирую подобных ходов заранее, готовясь к уроку. Конечно, у меня есть план, домашняя заготовка, но я стараюсь не повторять уже известных, удачных комбинаций.

Каждый новый год несет что-то свое, и каждый новый класс чем-то отличается от предыдущего. То, что было удачей два года назад, сегодня может не сработать. Поэтому за планировать, организовать «задушевные беседы» трудно. Но нужно делать выводы из неудач, которые, конечно, случаются. Так, в прошлом учебном году мы с пятиклассниками читали и обсуждали сказку Андерсена «Соловей». Казалось, вся проделанная работа соответствовала требованиям, состоялась беседа об «искусстве подлинном и фальшивом» (как сказано в программе). Словом, все, вроде бы, правильно... и как-то скучно, без живого интереса к теме. А «знания, усвоенные без интереса, не окрашенные собственным положительным отношением, не становятся активным достоянием человека. Они остаются мертвым грузом, не пригодным к применению, т.е. к тому, во имя чего их стоит приобретать» [2]. Поэтому в новом учебном году я постаралась сделать обсуждение сказки более прочувствованным. Когда мы, выполняя задание учебника, сравнивали живого соловья и искусственного, еще не сделав вывода из этого сравнения, я вдруг сказала детям: «Знаете, ребята, я в детстве считала, что дятел большой». И показала руками полуметрового дятла. «А увидела в первый раз настоящего дятла уже взрослая. Он оказался маленьким, с ладошку. Я так огорчилась. И вдруг этим летом, гуляя в нашем лесочке около поселка, я увидела такого огромного дятла, прямо с утку домашнюю. Я домой чуть не бегом бежала, хотелось скорее мужу сообщить». Дети оживились, за-

улыбались. Сразу поднялись руки желающих рассказать свои истории. Особенно мне понравились слова одной девочки: «Мы с мамой и младшим братиком один раз были дома, и вдруг брат посмотрел в окно и закричал: "Смотрите, яблоки!". Оказалось, что на дерево села стая снегирей». И вот на таком эмоциональном фоне я вернулась к изучаемой сказке: «А как вы думаете, какая птица лучше?» Конечно, дети сказали, что настоящая, но теперь это было их убеждение. Продолжив разговор о живом, настоящем, подлинном искусстве, я сама была удивлена примерами детей. Может быть, не всегда речь шла о произведениях искусства, важно для меня было даже не это, а то, что в детях есть любовь к чему-то исконному, русскому, которую они, как Наташа Ростова, неизвестно когда и как впитали. Спросив, какое здание в нашем городе ребятам нравится больше всего, я ожидала услышать: «Нерюнгрибанк», но вызванный мною ученик вдруг сказал: «Знаете, в парке есть кафе "Теремок". Оно из бревен. Они такие шершавые, теплые». В такие минуты я думаю: «Ради этого стоит работать». Ребята с удовольствием говорили об изделиях из бересты, которые сейчас появились в магазинах. Зеркальце в оправе из бересты есть и в моем портфеле. Его рассмотрели и потрогали, убедились, что береста действительно теплая. Все дружно согласилось, насколько настоящее, живое лучше, красивее, благороднее блескучих «под золото», «под серебро», «под старину» изделий, претендующих на то, чтобы считаться едва ли не произведениями искусства. В заключение дети сами и без труда сделали вывод о том, что сказка «Соловей» – об искусстве и природе, об «искусстве подлинном и фальшивом». Но был у этого урока еще один итог: первый раз за месяц нашего знакомства и совместной работы дети облепили мой стол и продолжали о чем-то рассказывать. А потом, всё еще не в состоянии оторваться, проводили до учительской. Ведь малознакомая пока

детям строгая учительница, оказывает-ся, бежала домой, чтобы рассказать про большого дятла. А еще она любит пить молоко из старой глиняной кружки!..

Мы будем идти вместе день за днем, год за годом; семь лет мы будем читать, говорить, делиться мыслями и чувствами. Все больше они будут узнавать обо мне, а я – о них. Они совсем другие, чем те, которые, уже взрослые, ушли из школы в прошлом году. Но и я другая. Новые встречи, книги, события что-то изменили во мне, чем-то обогатили. Значит, будут возникать новые мысли и чувства при изучении все тех же произведений школьной программы, и вновь у меня будет радостно замирать в груди от того, что мы еще будем изучать «Ночь перед Рождеством», «Капитанскую дочку», «Преступление и наказание», «Мастера и Маргариту».

Мой подход к преподаванию литературы, конечно, не оригинален. Достаточно вспомнить о Евгении Павловиче Ильине, который, по его собственным словам, «в пору, когда о гуманизме, демократии, гласности лишь мечтали... отважился дать ученику те же права, какие отвоевал себе; на свою страницу в книге, свою тему сочинения, свое отношение к проблеме, свою манеру изложения, свой способ мышления... и в итоге – право быть и во всем оставаться собой» [6, с. 6].

Конечно, в условиях советской школы такой подход был новаторским и требовал от учителя большого личного мужества. Сегодня школа, казалось бы, освободилась от догм, учитель имеет право выбирать программы, технологии, концепции преподавания... Этого 20 лет назад даже представить себе было невозможно. Но именно сегодня с особенной остротой встал вопрос: чему и как учить? Есть концепции, предлагающие изучать литературное произведение как произведение искусства, т.е. получать от него эстетическое наслаждение и только. Разумеется, литературное произведение и есть произведение искусства, и действительно спо-

собно доставить огромное эстетическое наслаждение совершенством формы, филигранностью исполнения. Но отказаться от той роли литературы, о которой говорил еще В.Г. Белинский: «Литература учит быть человеком»... Уже упомянутый мною Е.П. Ильин пишет: «В этом смысле русская классика по самой сути своей учительна, т.е. моралистична, и преподавать ее как-то иначе – это своими руками воздвигать барьер между классом и классикой... И в этом смысле не только каждый русский писатель, но и учитель литературы чувствовал и продолжает чувствовать в себе некое миссионерское начало...» [6, с. 21]. Об этом «миссионерском начале» мне бы хотелось сказать еще.

Так получилось, что около десяти лет назад я едва не рассталась со школой. Из-за переезда на другое место жительства я сменила и место работы. В прежней школе я проработала несколько лет, дети любили меня и мои уроки, мы уже «сработались», «сроднились». И вот, придя в другую школу, я хотела продолжить то, что уже нарабатывала. Мне казалось, что моя открытость, искренность будут поняты и оценены учениками сразу, не хотелось тратить время и силы на «притирание», «привыкание», ученические проверки учителя. В пятом классе все стало складываться нормально, а в седьмом ничего не получалось. Я была для них странной, непривычной, моя откровенность не находила никакого отклика. Сегодня я думаю, что она, наверное, воспринималась как откровенничанье, попытка залезть в душу. А того, чтобы душу передо мной раскрыли, чтобы меня в нее пустили, я еще ничем не заслужила. Но тогда я этого не поняла. Мне было больно, обидно, я была в отчаянии. Нескладывающиеся отношения с классом, а главное, мое непонимание причин собственного поражения завели меня в тупик. Я решила, что должна уйти, и написала заявление об увольнении. И вот в период духовного кризиса (иначе не могу оценить свое тогдашнее

состояние) судьба свела меня с человеком, далеким от педагогики, но открывшим мне истину о миссионерстве профессии учителя литературы. Я помню то, что он сказал, дословно: «Вы избранные. Вы цепь, которая сдерживает мир от безумия. И каждый – звено этой цепи. И если кто-то уходит – цепь рвется, и безумие наступает».

Может быть, кому-то эти слова покажутся странными или даже нелепыми... Но я смело могу сказать, что меня они спасли и как учителя, и как человека. «Мы – избранные, – повторяла я себе. – Мы – цепь». Было в этом что-то величественное и мученическое. Вспоминались просветители, народники и – почему-то – декабристы. Словом, меня охватила гордость за профессию и счастье – от принадлежности к ней. Я забрала свое заявление и начала все сначала, с «притирания», «привыкания», заслуживания доверия, т.е. того, через что хотела перескочить. Только в следующем учебном году ставший восьмым класс принял меня, девятый – уже любил, доверял и ценил мою искренность. Оказалось, что пропустить какие-то этапы в становлении отношений с классом нельзя, штурмовщины человеческие отношения не терпят.

И вот кто-то предлагает учителю литературы отказаться от этого миссионерского начала, стать лишь «путеводителем в мир прекрасного». Не грозит ли это тем, что «цепь, сдерживающая мир от безумия» разорвется? Кто сегодня, кроме учителей литературы, говорит с детьми о порядочности, доброте, милосердии, чувстве собственного достоинства? Еще в восьмидесятые годы существовало прекрасное подростковое кино: «Не болит голова у дятла», «Вам и не снилось», «Чучело». Как нас тогда шокировала детская жестокость в сцене сожжения чучела... А сегодня наши дети могут увидеть по телевизору сцену сожжения не чучела, а самого человека. И шока уже ни у кого нет. Характерно, что излюбленным героем и зарубежного, и отечественного кинематографа становится герой-мститель. Конечно, для мести у него

бывает причина, но в центре истории – сама мечь, неотвратимая, не ведающая о прощении. Какое уж там «ударил по одной щеке – подставь другую»... И действует на экране машина убийства с обаятельной физиономией Бодрова, например. Примиряя со злом, приучая к злу, делая его обаятельным и нестрашным. Кто же напомним детям библейскую истину, кто хотя бы попытается остановить безумие?! А ведь мы порой даже не догадываемся, насколько изувчено мировоззрение наших детей. Совсем недавно я с ужасом это осознала.

Я прочитала десятиклассникам рассказ А. Костюка «Трое на обочине», опубликованный в журнале «Мы». Человек посадил к себе в машину попутчиков-подростков, а они вознамерились ее у него отнять. Примечательно, что машину он угнал, но, оказавшись в роли «задетого», «мстителя», чувствовал себя правым, как говорится, «по определению». А потому, изловчившись, выпрыгнул из машины, предоставив ей разбиться вместе с находившимися в ней подростками. Увидев взрыв, он испытал «чувство глубокого удовлетворения». Меня эта история ужаснула, как ужасают появляющиеся в газетах заметки о том, что где-то взорвался на самодельном взрывном устройстве бомж, попытавшийся залезть в чей-то сарай, что в огуречные грядки на дачах кладут косы, чтобы незадачливым ворам отхватило пальцы и – неповадно было. Оказывается, наши ученики в подавляющем большинстве так и считают. Тщетны были мои попытки объяснить, что этот человек, угонщик кстати, не дал своим обидчикам даже шанса, что жизнь человеческая не должна становиться разменной монетой, когда речь идет о захвате собственности... Ребята горячо доказывали мне правоту героя, с сомнением смотрели на мое огорченное лицо: «Хороший, мол, вы человек, но чего-то не понимаете...». К сожалению, переубедить их мне не удалось. Но я не остановлюсь на этом, я попробую в другой ситуации, на другом материале вернуться к этой теме. Что

будет, если и учителя литературы отстают попытку объяснить детям, «что такое хорошо и что такое плохо»? Где еще могут они получить уроки милосердия? Ведь, по мнению Е.Н. Ильина, «о милосердии не нужно говорить, его нужно воспитывать – тончайшими, молитвенными процессами. Вырабатывать навык соучастия, сопереживания, когда помочь ближнему, понимая и принимая его, станет насущнейшей потребностью души» [6, с. 230].

И вот эти «тончайшие, молитвенные процессы» совершаются на уроке литературы только тогда, когда учитель собою, своими эмоциями, своей душой «оживит» изучаемое произведение и, обладая большим жизненным опытом и «развитостью чувств», поможет учащимся не просто понять поднимаемые автором проблемы, но прочувствовать их. А при изучении многих произведений это вообще единственно возможный путь! Как иначе можно изучать стихотворение А. Яшина «Спешите делать добрые дела» или рассказы А. Платонова «Корова», «Юшка»?

Лучший урок по стихотворению Яшина у меня состоялся года три назад. Так совпало, что накануне мне приснился очень тяжелый сон о том, что я поехала в отпуск к родителям, и оказалось, что мама моя за то время, что я была в дороге, умерла. Я страшно плакала во сне и кричала кому-то: «Как же так! Я ведь ей не сказала, что я ее люблю». С этой мыслью я и проснулась. Было очень радостно, что на самом деле мама жива, и очень тревожно от того, что еще несколько месяцев ждать до лета, когда я смогу увидеть ее и сказать, что я ее люблю. Понятно, что, придя в таком состоянии на урок, где речь должна была вестись о непреходящей горечи человека, не успевшего при жизни близких сделать для них то, что было нужно, я не могла не рассказать ребятам о своем сне, своих чувствах и мыслях по этому поводу. Я, конечно, давилась слезами, терли глаза и мои дети. В конце урока я сказала: «Знаете, ребята, ваши родители еще молодые, вам кажется, что они будут

всегда. Вроде бы ничего страшного, если нагрубил маме, обидел ее невниманием. Потом можно помириться, попросить прощения. Но мы не знаем, что будет с нами даже через час и наступит ли это "потом". Никому не хочется думать о самом страшном... и все же надо спешить делать добрые дела». По тому, в каком состоянии дети уходили с урока, я видела, что мы не просто «прошли» очередную тему по литературе.

Интересно, что на следующий день ко мне подошел мальчик из этого класса и признался: «Я вчера еле дождался, когда уроки закончатся. Я утром с мамой поссорился, а потом боялся, что с ней что-нибудь случится, и я ее не увижу больше. Я домой бегом бежал».

Я думаю, это именно тот итог урока, который должен быть. Конечно, реакция ребенка была очень простой, как бы «сиюминутной», слишком конкретной что ли. Но, во-первых, давно известно, что легче любить все человечество, чем одного человека, и не важнее ли поэту учить любить именно этого человека? А во-вторых, пережитый страх за маму уже не забудется, он станет новым опытом духовной жизни ребенка, а значит, новым шагом на пути «воспитания милосердия». Примечательно, что через два года, в 8-м классе, при изучении рассказа К. Паустовского «Телеграмма» ребята сами вспомнили стихотворение Яшина, потому что мыслью о том, что «потом может быть поздно», была близка и понятна им. Мы будем об этом говорить и в 10-м классе, изучая роман И.С. Тургенева «Отцы и дети».

Конечно, все мы знаем, что это роман о либералах и демократах, и будем старательно объяснять это нашим ученикам. Но действительно ли так важно, чтобы ученики в начале XXI века понимали, кого Тургенев подразумевает под «отцами» и кого под «детьми»? И действительно ли это роман только о либералах и демократах? Ведь, замечу, и сам Тургенев негодовал по поводу приписываемого его произведениям смысла. А вот разговор об отношениях собственно детей и отцов бывает очень интересным. Ребятам, как правило, по-

нятно состояние Базарова, которого утомляет любовь родителей. Многим, и мне самой, конечно, знакомо это родительское: «Я тебе мешать не буду» и по минутное отвлечение тебя от дел. В том возрасте, в котором находится Базаров, это раздражает, и при всей любви к родителям кажется, что они тебя только отвлекают, мешают тебе быть самостоятельным и взрослым. Именно эта сторона отношений отцов и детей по собственному опыту известна десятиклассникам. Я даю ребятам высказаться, я не спорю с ними, потому что чувствовала то же самое, когда мне было 16 лет. Я говорю им о своем прочтении романа, о том, как мне тоже хотелось быть независимой, жить своей жизнью. Я уехала из дома сначала учиться, потом работать. Летом мчалась в Москву или Ленинград, Минск или Вильнюс, потому что везде было интересно, все хотелось увидеть. Домой же заезжала скорее потому, что «надо». И было все там так знакомо и скучно. Но прошли годы, и как-то пропала «охота к перемене мест», а вот желание вернуться домой, к родителям, пройти по улочкам своего маленького провинциального городка становится все сильнее. А дома мои составившиеся родители все так же говорят: «Мы мешать тебе не будем» и все время отвлекают, то уточняя, борща ли ты хочешь или котлетку, то спрашивая, не мешает ли тебе телевизор, то закрывая в твоей комнате форточку, потому что из нее вроде бы «тянет». И оказывается, что все это тебе так дорого и так нужно, и так хочется, чтобы они были с тобой долго, твои мама и папа. И так страшно, что придет день, когда ничего этого больше не будет...

Мои ученики сидели серьезные и притихшие, боль моей души отозвалась в их душах, вызвав незнакомые им еще мысли и чувства. И никому уже не хотелось продолжать разговор о том, что родители его не понимают, а расстояние между «отцами» и «детьми» уже не казалось таким огромным.

Иногда я думаю, что, в сущности, мы ведем с ребятами один боль-

шой разговор, который начинается в 5-м классе и заканчивается в 11-м. О чем он? Да конечно, о вечных человеческих ценностях: о любви и доброте, о том, что «мы в ответе за тех, кого приручили» и что «все живое страдает одним и тем же страданием». О порядочности и подлости, о верности долгу и предательстве, о добре и зле. Мне хочется воспитать в ребятах чуткость, способность если не принять, то хотя бы понять иной взгляд на мир, иной образ жизни. Я не люблю жестких оценок, «ярлыков», сама стремлюсь понять мотивы неблизких мне поступков и учу этому детей. Поэтому мои ребята умеют внимательно читать текст, имеют свою точку зрения и могут ее достаточно аргументированно отстаивать. Утверждаю это так смело потому, что мое мнение разделяют и коллеги из других школ, побывавшие на открытых уроках «О доброте истинной и мнимой» по рассказу Л. Андреева «Кусака», «Стихотворения русских поэтов XIX века о родной природе», «У счастья нет завтрашнего дня» по рассказу И. Тургенева «Ася», «Опыты драматических изучений» по «Маленьким трагедиям» А.С. Пушкина.

Последний из перечисленных уроков состоялся в 7-м классе. Текст был предварительно прочитан, класс заранее поделен на четыре группы с учетом преобладания у детей словесно-логического или образного мышления, каждая из групп получила свое задание. И все-таки центром урока, как всегда, стал эмоциональный, живой разговор, когда ребята высказывали свою точку зрения, спорили друг с другом, пытались отстаивать свое мнение, подтверждая его строками текста. Признаюсь, иногда ответы детей на заданные мною вопросы были для меня неожиданными, заставляли задуматься, вели не совсем к тем выводам, к которым я планировала прийти в конце урока. Но, безусловно, радовало то, что в классе не было равнодушных, что очень взрослый разговор о совести, чести, достоинстве, зависти, вероломстве вызвал такое волнение у ребят.

Во время обсуждения урока учителя с восхищением говорили о человечности, доброте, порядочности «моих» детей. И были крайне удивлены, когда я рассказала, какими те же дети были в начале 5-го класса. Тогда не только я, но все работавшие с этим классом учителя поражались черствости и агрессивности ребят. Уроки литературы были для меня мукой: о чем бы ни шла речь (гибель Пети Ростова, картины Бородинской битвы, смерть Муму), все вызывало смех в классе, циничные комментарии. Порой мне казалось, что я никогда не «достучусь» до этих ребят. Не отчаиваться и не опустить руки, как всегда, помогла мне вера в то, что в каждом человеке есть что-то хорошее, и это хорошее обязательно откликнется на доброту и искренность. Не претендуя на единоличную заслугу в перевоспитании ребят, но, надеюсь, что сыграла в нем не последнюю роль.

И все-таки случай, о котором я рассказала, для педагогической практики не совсем типичен. Чаще мы, учителя, имеем возможность оценить результат своей работы сколько-то лет спустя, когда наши ученики уйдут из школы, кем-то станут в жизни. Конечно, ни их успехи, ни их неудачи не являются прямым следствием нашего влияния. И тем не менее... Роль личности учителя в нравственном воспитании учащихся на уроках литературы нельзя оценить в баллах, процентах, диаграммах. Что же дает основания считать, что твои усилия не напрасны? В первую очередь, наверное, признания, которые иногда слышишь от своих бывших учеников. О наиболее тронувших меня скажу немного подробнее.

В 1991 году закончил школу Александр, умный и непростой мальчишка. Мы встретились с ним через несколько лет, и он сказал: «А вы знаете, что вы меня спасли в 10-м классе? Вы тогда сказали, что можно быть не таким, как все». Действительно, был у нас когда-то урок, на котором я со всей горячностью и убежденностью, со ссылкой на собственный опыт говорила о том, что можно быть не таким,

как все, можно не одеваться, как все (не в то, что сейчас «модно», а в соответствии со своим стилем), можно не делать того, что все (не курить, например). И если ты при этом личность, если у тебя есть силы быть иным, тебя будут уважать и будут считаться с твоей «непохожестью». Казалось бы, ничего нового во всем этом нет, скорее даже наоборот... Но так случилось, что шестнадцатилетний юноша не слышал этого ни от кого, не додумался до этого сам. Как он мне признался, в 10-м классе он довольно сильно выпивал и уже несколько раз пробовал таблетки – как «все», с кем он общался. Не знаю, чем объяснить столь сильное впечатление, произведенное на него моими словами, но он перестал пить и употреблять наркотики, хорошо закончил школу, поступил в университет. Думаю, что этот мальчик и был изначально не как все, а, пораженный моими словами, просто позволил себе роскошь быть самим собой. Пусть так, но уменьшает ли это роль влияния учителя?

Другой юноша из этого класса, Женя, пришел ко мне в гости, вернувшись из армии. Было очень трогательно услышать от него: «Я в армии прочитал все, о чем вы нам рассказывали. Поговорите со мной». Он закончил университет, работает юристом, и сегодня мы дружны с его женой и маленькой дочкой.

С Леной мы увиделись через пять лет после окончания школы. К этому времени у нее была семья, ребенок, она заочно училась в институте. Я увидела перед собой счастливого, спокойного, твердо стоящего на ногах человека. А вот в школьные годы ее поведение, ее личная жизнь были... скажем так, слишком легкомысленными. Лена очень обрадовалась нашей встрече и сказала: «Мне так хотелось вас увидеть и сказать вам спасибо. Я даже не знаю, чем бы могла кончить и что бы сегодня со мной было. Но однажды на уроке, когда мы рассуждали о Наташе Ростовской в конце романа, вы так говорили о семье, о любимом человеке, к которому хочется возвращаться после работы, что это такое счастье – бежать

домой и знать, что тебя ждут... Я поняла, что вы говорите о том, что знаете сами, что у вас это есть. И мне тоже так захотелось, чтобы у меня был любимый человек, хорошая семья. Я бросила всех своих мальчиков, перестала ходить гулять. А потом встретила человека, за которого вышла замуж, у нас родилась дочка. Мы женаты четыре года, но я всегда бегу домой и надеюсь, что муж так же спешит навстречу ко мне. Мы очень счастливы».

Совсем недавно приехал на каникулы и пришел ко мне в гости Костя, выпускник 1998 года, ныне курсант Высшей школы милиции. Я спросила его, права ли я, находя такой важной воспитательную сторону урока литературы. Он, не раздумывая, ответил: «Конечно. Я вам могу это доказать на себе. Когда я учился в 5–6-м классах, две девчонки настраивали против меня весь класс, хотели сделать из меня изгой. В 7-м я уже дошел до такого состояния, что готов был их убить. И вот как-то на уроке литературы вы сказали, что никогда нельзя отчаиваться. Я вдруг услышал это как в первый раз, у меня что-то в душе просветлело. Я перестал злиться, перестал реагировать на обидчиков. Им, наверное, скучно стало. И к 9-му классу все как-то сошло на нет. А на выпускном вечере те девчонки подошли и извинились. Вот так ваши слова натолкнули меня на правильное решение, когда я думал, что мне никто не сможет помочь. А потом я прочитал у Фрейда: "В любой жизненной ситуации существует определенная альтернатива действительности, необходимо только найти его". И вы мне в этом помогли».

Еще одним показателем роли личности в нравственном воспитании ребят, думаю, можно считать и то, что кто-то из моих учениц обязательно хочет стать учителем. Учитывая крайне незавидное материальное положение учителей, я никого не уговариваю «пойти по стопам». Но и не отговариваю никогда. Потому что давно убедилась в правоте вывода, который однажды где-то услышала: «Учитель – это не профессия, это диагноз». А когда

ты занимаешься любимым делом, ты счастлив при любом материальном положении. Не знаю, возможно ли изображать любовь к профессии, когда этой любви нет. Но когда она есть, она не только «открывает» тебя самого, но, видимо, заражает учеников, вызывая у них желание попробовать себя на этом поприще.

Конечно, мне бы очень хотелось, чтобы из моих выпускников получились со временем хорошие учителя. И хотя понятие «хороший учитель» включает множество качеств, важнейшими все-таки считаю человеческую порядочность и искренность, когда обо всем, что говоришь и делаешь, воспитывая ребят, можешь сказать словами Владимира Высоцкого: «Ни единою буквой не лгу».

Литература

1. Айзерман Л.С. Дар души и дар глагола. – М.: Педагогика, 1990.
2. Бондаренко С.М. Урок – творчество учителя. – М.: Знание, 1974.
3. Граник Г.Г., Бондаренко С.М., Концевая Л.А. Когда книга учит. – М.: Педагогика, 1991.
4. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М.: Педагогика, 1988.
5. Иванихин В.В. Почему у Ильина читают все? – М.: Педагогика, 1990.
6. Ильин Е.Н. Герой нашего урока. – М.: Педагогика, 1991.
7. Качурин М.Г. Организация исследовательской деятельности учащихся на уроках литературы. – М.: Педагогика, 1988.
8. Крупина Н.Л., Соснина Н.А. Сопричастность времени. – М.: Педагогика, 1992.
9. Линкова И.Я. Час книги. – М.: Книга, 1988.
10. Мурашов А.А. Из тонких линий идеала. – М.: Педагогика, 1990.
11. Преловская И.С. Уроки словесности. – М.: Педагогика, 1981.

Светлана Геннадьевна Капорцева – учитель русского языка и литературы средней школы № 22 г. Нерюнгри, Республика Саха (Якутия).